

Я опоздал в школу на следующий день. Я знала, что мой инструктор все равно отметит мое отсутствие, поэтому я пошла прямо в свой кабинет. Я ожидал тихой и одинокой комнаты, но вместо этого меня встретили кислые лица членов студенческого совета. Перед ними преподаватель произносит то, что я издали не слышу. Они все сгруппированы вместе, как один из тех тенистых трансакторов на заднем дворе, шепчущих секреты между собой, и я хочу в них войти.

"Я хочу, чтобы вы все сначала услышали об этом до того, как директор официально объявит об этом." Она сделала паузу с открытым ртом. Она колеблется, или, возможно, пытается найти лучший способ сформулировать свою фразу.

Я смотрела на них свысока, когда они разговаривают друг с другом на диване, некоторые члены сидят на полу, перед уважаемым учителем, чтобы правильно услышать то, что она хочет сказать. Я положила свою сумку на стол и тихо на цыпочках направилась к собравшимся. Никто, казалось, не признал мое и без того божественное присутствие, когда я шагала позади учительницы. Она продолжает заикаться, они продолжают признавать мой янтарь недействительным.

Впервые я вижу, как эти будущие бросившие школу выглядят так серьезно, что на них нашло? Я бы ожидал от них гигантского переполоха, это первый раз, когда я опаздываю с рассвета моего образования. Не знаю, думаю, я заслуживаю лучшего приема, чем их случайное игнорирование меня. Но неважно, это спасает меня от попыток оправдать себя.

Я сделала последний шаг и бездельничала перед собравшимися, возвышаясь над забывчивыми членами совета. Я смотрел вниз на каждого из них, когда я так нежно улыбался на спине дрожащего учителя. Я расположилась перед ними с бедрами на правой стороне, грудь была опухшей, а руки крепко держались за талию. С чудовищной силой я стучал каблуком по левой ноге, отклоняя взгляд вниз, позволяя себе слышать, если не видеть.

Сидя так невозмутимо, но ни у кого из них не хватило благопристойности хотя бы для того, чтобы усадить меня? Звук моего удара каблуком о твердый, холодный бетонный пол чуда архитектуры - офиса студенческого совета, со всей этой дешевой плиткой и грязными бежевыми обоями, вибрирует по всем пыльным углам штопки, вероятно, заставляя нескольких пауков падать с их паутины.

Члены совета заметили мое присутствие, но никто из них не осмелился посмотреть на меня. На их телах скопился пот, и их кожа побледнела, но никто из них, похоже, не возражал против непрерывного постукивания моей туфель, поскольку она становилась все громче и сильнее вместе с бормотанием уже забытого профессорско-преподавательского состава. Я уже вижу, как они дрожат, смотрят друг на друга в дискомфорте, совершенно смущенные тем, что никто из них не обратил внимания на свою королеву.

Измена!

"Я знаю, что некоторые из вас дружат со студентом по имени Джон Смит."

Голос учителя снова свел к минимуму растущее напряжение в комнате. Ах, да, она говорила о чём-то, и лучше бы это было что-то важное, потому что я точно могу проебать её лицензию, если она на самом деле просто тратит моё время.

"Конечно, мэм; на самом деле, мисс Президент с ним в одном классе". Клэр, моя секретарша скулила, чинит свои очки. Конечно, именно она пролила бы этот факт, сплетничающая шлюха. Она не может заткнуться на секунду?

"Ничего страшного, мисс", я похлопала проблемного учителя по плечу. Она подергивала спину и смотрела на меня глазами, утопающими в слезах. "Не надо так себя заставлять". Сделай глубокий вдох и успокойся, мы можем быть здесь весь день".

Она сделала глубокий вдох, освобождая ее беспокойство из ноздрей, ей удалось дать теплую улыбку на меня, как она поместила ее мягкой, но потной, ладони на вершине моей руки. "Я вижу. Она проглотила слюну. "Мы только что слышали ужасные новости от полиции и его родителей, знаете, мальчика, о котором я говорил, эм, этого Джона Смита, эм, того Джона Смита, которого он..." Она сделала еще один глубокий вдох, за которым последовал вздох. Она снова засомневалась.

"Хватит колебаний, мэм. Дайте нам прямо!" Мужчина - член студенческого совета нарушил тишину комнаты. Должен признать, что мне нравится этот парень, смелый и дерзкий, женщина явно встревожена, но он ничего из этого не принимает! Либо он так, либо никто! Я действительно не могу его винить, эта женщина долго собирает свои мысли.

"Я согласен с мистером Джейсоном", блядь, его зовут Джейсон или Мэйсон? А, неважно! "Мы больше не дети, что бы это ни было, мы можем воспринимать это как взрослых". Просто выплюнь, ты нам здесь больше не нужен!

"Если быть очень откровенными с вами, дети, факультет только что узнал об этом." Черт возьми, правда? Эта сука опять тянет время, ты серьезно? "Твой одноклассник и твой дорогой друг, он... Он найден мертвым. Его... нашли на дороге, как это называется...? В любом случае, тот, что рядом с нашей школой. Мистер Джон Смит..." Она разорвалась, не успев закончить показания.

Так вот почему она тянула время.

Комната замолчала, все они поклонились, одни даже плакали, другие закрыли глаза. Подождите, это невозможно! Во-первых, почему им грустно! У Джона Смита нет друзей, чтобы оплакивать его. Если ты меня сейчас увидишь, ты поймешь, что я на это не куплюсь. Я говорил с ним прошлой ночью! Я кричал на них с недоверием, они ни за что не могут быть серьезными! Но это было во всех новостях. Учитель даже пытался вызвать полицию, чтобы объяснить ситуацию. Тогда я и смирился с его смертью.

А?

Я говорил с ним прошлой ночью по телефону!

Джона Смита больше нет в живых.

Но он был в порядке, когда мы разговаривали прошлой ночью.

Джон Смит уже оплакивается.

Поэтому он умолял меня о помощи?

Джона Смита больше нет.

Я не могу в это поверить.

Джон Смит мертв.

Они не понимают, почему я так остро реагирую. Но то, как я справляюсь с этой ситуацией, показывая мой шок на лице, это их сигнал, они должны дать мне немного пространства. Что происходит? Это происходит слишком быстро. А как же преследователь, который продолжает его фотографировать? Это он ответственен за все это? Что насчет семьи Джона? Я единственная, кто знает об этом? А что насчет фотографии, которую он мне прислал? Это действительно он? Это не может быть совпадением!

Что мне делать?

Я даже не его друг, но я единственный, кто подходит достаточно близко, чтобы быть его другом здесь. И я не смог его спасти. Я до сих пор не могу поверить, что это не розыгрыш.

Почему это происходит сейчас, когда я собираюсь стать его другом!

Полиция нашла его тело сегодня утром на шоссе. В новостях сказали, что он в таком ужасном состоянии, что одна мысль о его трупе заставила мою четырехглазую секретаршу плакать. Я искал свой телефон, чтобы проверить заголовки в интернете. Черт, я забыл, что бросил его на стену! Я вышел из офиса, не сказав ни слова. Кто-то пытался меня остановить, но мне было наплевать на него. Я пошел прямо в компьютерный класс со слезами, падающими на мои глаза каждый мой шаг.

Профессор мало говорил об этом, но интернет много говорил. Звучало лениво, но это был мой единственный шанс узнать правду. Если я никогда не пойму, что мучило Джона, хотя бы дайте мне знать, как он умер! Я открыл компьютер. Я укусила ногти. Ждать, пока он загрузится, никогда не было таким стрессом.

Я потратил почти час, чтобы найти его, но вот он! Я нашла нить в 4chan, которая рассказала мне все, что мне нужно знать о смерти Джона. Последнее, что я ожидал увидеть, это изображение его тела. Я закрыл глаза с отвращением, нервничал, что могу увидеть это в интернете. Без сомнения, человек на изображении - мой одноклассник, Джон Смит.

Я пробираюсь сквозь нить с руками, закрывающими губы. Меня вот-вот вырвет после первого комментария, но я не должен останавливаться. Я ни за что не брошу его сейчас. Я закрыла глаза и пересмотрела то, что знаю. У него больше нет конечностей, когда власти нашли его тело. Что меня больше беспокоит, так это то, как хорошо они описали увечье. В качестве оружия использовалась пила; я не задумывался об этом больше. Но на месте преступления нет крови. Я перестал прокручивать, когда почувствовал, что ладонь потеет.

Даже было замечено, что у него огромная дыра в животе, прожигающая кишечник. Их теория в том, что жертва проглотила бомбу, связывающую его тело. Никто не знает о полицейском отчете о вскрытии дыры в его желудке, чтобы никто не мог точно сказать, что с ним случилось. Но на этом все не заканчивается. После этих страданий, Джону пришлось пройти через, бич преступника. Так вот почему его кожа на изображении красная и фиолетовая. Черт, я опять вспомнил! Это так мучительно, но я не могу удержаться от отвращения. Они оставили его в таком виде посреди пустоты.

Странная часть его тела, кроме пыток, через которые он прошёл, - это его голова. Она была холодная, как будто замерзла и невредимая. Следы **** присутствуют в его теле. Меня сейчас стошнило, когда я читал информацию о сексуальном насилии над телом, так что я мало в нее вникал. Однако, я увидел кое-что, что никогда не забуду за всю свою жизнь. Самая ужасная часть всего этого дела об убийстве. Хочешь услышать самую ужасную часть истории?

Джон Смит уже мертв, когда произошло это убийство.

Я слепо смотрю на монитор компьютера с широко раскрытым ртом. Я впервые вижу что-то подобное! Меня тошнило от чтения всей этой... этой... отвратительной информации! Но я не могу поверить, что даже зная это, я все еще не могу плакать по Джону. Я хочу, но не могу.

Нет. Это заставляет меня плакать, но слезы просто не текут.

Я лежала в постели и размышляла. Почему я не плачу? Разве я так отвратительна? Это тот бессердечный ублюдок, которым я стал? Конечно, мы с Джоном Смитом не друзья, мы даже не знаем друг друга. Я просто смотрю на него, всегда смотрю с самого детства, но здесь я все еще не плачу и не знаю почему.

Я долго и упорно думала. Когда мой мозг понял, что то, что я делаю бесполезно, я заснул. Я рано проснулся, что удивительно, учитывая, как поздно я заснул, подожди, во сколько я вообще спал? Я больше не знаю, я так запутался. А что, если все это не настоящее? Если все это просто ужасный сон, я могу сделать все заново. Если бы у меня был шанс на Ctrl Z, первое, что я бы сделала, это оставила Джона в покое.

Возможно, если бы я никогда не говорила с ним, я бы не чувствовала эту священную пустоту внутри себя.

Я бы пошла в ванную прямо сейчас, когда я не сплю, но я просто лежу на кровати с широко открытыми глазами, глядя на потолок, но ничто никогда не приходит мне в голову. Кажется, что белая краска на моем потолке меняет цвета, грязь ползает, закручивая над головой, как черви и змеи.

"Чего ты боишься, Марго?" Знакомый голос зазвонил мне в левое ухо.

"Джон?" Я сказал, что все еще смотрю на завихрение грязи на моем потолке.

"Ты боишься монстров?"

"Нет, не боюсь."

"Тогда чего ты боишься, Марго?" Знакомый голос продолжает шептать, но на этот раз в моем правом ухе.

"Я не боюсь, Джон."

"Ты боишься призраков, Марго?"

"Я не боюсь призраков, я не боюсь ни одного из них. Они не настоящие." Я сказал, что все еще смотрю, не моргая, на закрученную грязь на моем потолке.

Потом случайное вихревое движение стало злым, так как оно двигалось с большей точностью. Потемневшая грязь на моем белом потолке вихрела, как змеи и черви, образуя... лицо?

Как художник, закручивающий черный пигмент в холст, грязь на моем потолке превратилась во что-то другое. Она превратилась в лицо человека с закрытыми глазами. Лицо человека, с которым я знаком. Я видел, как грязь формировалась в его грязные волосы и даже впавшие глазные яблоки на его мешочках для глаз.

"Джон"? Что ты делаешь в моем потолке?"

Лицо Джона, сделанное из черной грязи в моем белом потолке, двигалось, как быстрая рулетка, спускающаяся ко мне.

"Чего ты боишься, Марго?"

"Я не боюсь твоих чудовищ, Джон."

"Это не ответ."

Я ничего не сказал.

Лицо Джона все ближе и ближе ко мне. "Ты восхитительна, Марго?" Затем он лижет мой подбородок, как ребёнок лижет леденец. Джон лижет от моего подбородка к моей левой щеке. "Чего ты боишься, Марго?" Лицо Джона, сделанное из грязи, сказала.

"Я боюсь тебя."

"Марго". Лицо Джона, сделанное из грязи, шепчет, облизывая мой подбородок.

"Что?"

"Марго". Лицо Джона, сделанное из грязи, говорит.

"Что?"

"Марго!" Лицо Джона из грязи кричало.

"Что!?"

"MARGAUX!"

"Что такое, мам?" Я сказал, глядя на маму, стоящую в дверном проеме.

"Сколько раз мне тебе звонить? Как думаешь, сколько у тебя времени? Ты уже опаздываешь! Боже, посмотри, какой ты отвратительный! Сотри с лица плевок и съешь свой завтрак."

"Ладно, ладно, боже, не надо так громко по утрам."

"И ещё, твой отец купил тебе новый телефон! Он сказал, что твой старый больше не работает, боже мой, ты не знаешь, как тебе повезло, что у тебя есть такая технология! Когда я был в твоём возрасте..."

"Я понял, понял! Хорошо! Я проснулся! Боже, мам!" Я сказал, когда проходил мимо нее.

"О, ты не будешь меня наебать, когда будешь жить здесь, под моей крышей!"

Я пошла прямо в душевую. Наверное, сначала мне нужно стереть слюну с лица.

"Что это, черт возьми, такое?" Я прошептала, глядя на чёрное пятно на щеке и немного на подбородке. Это... грязь? Какого черта у меня грязь на лице? О, какого хрена, может это просто что-то в моей подушке. Мама бы почистила ее позже, или нет. Она бы накричала на меня, чтобы я сделал это сам позже.

Я собирался открыть душ, когда увидел, что моя дверь приоткрыта. Разве я не закрыл ее? Я подошла к двери, оставив душ наполовину открытым. Боже, как я рада, что это не общественный туалет. Я закрыл его и запер дверь.

Просто игнорируй их все.

Я открыла душ и позволила воде течь по моему телу.

Просто игнорируй их всех.

Я закрыла глаза и ополоснула тело мылом.

Просто игнорируй их все.

"Почему ты боишься меня, Марго?"

Я закричала! Кто это, блядь, был? Что это, черт возьми, было? Кто это был? Я задыхался, когда смотрел в душ, никого нет, только я. Кто-то прошептал мне на ухо, я уверен! Я слышал, что кто-то и никто в мире не мог сказать иначе. Или я схожу с ума? Я огляделась вокруг, когда задыхалась. Мне трудно дышать.

"Ты в порядке, дорогая?" Моя мама сказала, стучится в дверь.

"Да, нет, я в порядке", - сказала я, вдыхая каждый слог. "Просто я споткнулась, ничего страшного, я в порядке!"

Моя мама больше не думала, после того, как сказала мне быть осторожной. Я смыла мыло с тела и ушла так быстро, как смогла. Мой разум перестал обрабатывать себя, он бросил меня в этот транс черноты. Я даже не использовал шампунь или кондиционер, ничего. Этот сильный удар в грудь не позволяет мне. Я хочу исчезнуть из этого места.

Я опять пошел к своей ванной после того, как надел форму. Может, внутри кто-то есть, но я

слишком озадачена, чтобы найти его. Кто бы он ни был, он выбрал не ту цель, потому что если я его поймаю, я ударю его деревянной летучей мышью моего отца!

Я толкнул дверь. Я даже не закрыл свет внутри.

Внутри никого нет. На самом деле, нет ничего странного. Это просто та же самая старая ванная. Мне казалось, что я сбросил тонну веса с груди. Я вздохнула с облегчением и хихикала.

"Сколько мне, двенадцать?" Я засмеялся.

Мне стало легче, что там никого нет. Но мне гораздо легче, что я могу закрыть свет, иначе моя мама снова вспыхнет как Кракатау.

Я опять опоздал в школу. Я чувствую себя тяжелой и вздутой. А потом этот шепот в душе. Сегодня просто не мой день. Мне повезло, что учитель первого урока не посещает наш класс. Я знаю, потому что я буду первым, кого они сообщат, если не придут. Так что никто не злится, что я опоздала, они удивлены.

"Ты в порядке, Стеф?" Мой одноклассник спросил с явным фальшивым беспокойством.

"Да, спасибо."

Он все еще говорит, но я его больше не слышу. Пока он говорил больше о своей жизни, или о чем бы он ни говорил, легкая вибрация внутри моей сумки привлекла мое внимание. Это было сообщение. Но это новый телефон! Кто мне пишет? Это моя мама? Нет, это не ее номер, тогда кто это, черт возьми?

Я открыла смс с большой нерешительностью. К нему прикреплена фотография.

Подожди.

Это я. Это фотография, где я сижу прямо здесь, на этом месте!

"Что?" Что, блядь, происходит?

Мое сердце бьется. Я даже видел, как моя одноклассница стояла рядом со мной на фото. Это не просто недавняя фотография, она сделана за секунды до этого момента. Я прикрыла губы руками. Фотография заставила мой желудок повернуться, и это вызвало у меня этот необъяснимый приступ. Я подглядывала за парнем рядом со мной. Он, кажется, не видел, что у меня на телефоне. Я повернул взгляд к окну. Там ничего нет, кроме синего неба.

Моя голова поворачивается. Что происходит? Я чувствую, как ледяной пот капает по моему телу. Все замерло, кроме моих дрожащих рук. Я даже не осознавал этого, но я уже кусаю ногти.

Я снова посмотрел на улицу. Никто? Совсем никого! Нет никого, кто мог бы сделать эту фотографию. Что, блядь, происходит? Я оглянулся, и все занимаются своими делами. Если бы кто-то сделал эту фотографию, его бы там больше не было. Или, может быть, он прячется? Может, он прячется под стенами? Ха, но это невозможно! Мы на втором этаже, он никак не может там зависнуть, верно?

Если только у него нет... Нет, это невозможно! Я отказываюсь верить, что такое колдовство - причина его подвигів! Этому должно быть объяснение! Может быть, это наглое злобное привидение на самом деле наш одноклассник?

Но если это так, то кто тогда монстр, которого Джон написал мне в ночь своей смерти? Тогда моя теория о том, что это злобное существо - часть нас, уже развенчана. Если только Джон не солгал мне, что не исключено.

Я снова вернул свой взгляд на телефон. Там еще фотографии. Это напугало меня. Я не хочу это видеть, но мой палец продолжал прокручиваться. Я хочу остановиться, но не могу. Это причина, по которой Джон умер, потому что я не остановилась. Мне нужно остановиться, но я не остановилась. Что-то внутри меня кричит, и оно говорит, что я не должна больше этого делать, но я все еще не останавливаюсь. Я понимаю, что после моего украденного выстрела появляется больше фотографий печатных слов, подчеркнутых шариковой ручкой. Это то, что я думаю?

Я закрыл глаза, когда читал слова на фотографиях.

Познакомьтесь. Я. Ванная. После. Класс. Скажи. Я. Всё.

Я знаю, что будет дальше. Джон показал это. И он умер, сделав это. Я бы вел себя, как живой труп, и никто бы не понял, почему. Если я сообщу об этом в полицию, что они сделают? Что сделал Джон? Что мне делать? Это то, что он чувствовал, когда это случилось с ним? Звук моего сердца, стучащего снова и снова, вызывал у меня тошноту. Оно стучит в мою грудь, бьёт, пока не оставляет пустых следов в груди, давая мне эти ужасные мурашки по коже.

Я плакала. Я хотел стать знаменитым. Не так, не так. Впервые я набрался храбрости, чтобы заплакать. Все в классе видели меня, мой фальшивый одноклассник утешил меня.

Я плакал. Лицо, которое я делаю, ужасное, и все это видели.

Я плакала. Меня чуть не вырвало от китобойного промысла.

Меня зовут Марго Стефани Барнс. Я президент студенческого совета. Джон Смит - моя полярная противоположность. Однако, мы с Джоном Смитом похожи. Я танцую на ладони невидимой силы, как и он. Это проблема для меня, и никто, кажется, не понимает, насколько это серьезно.

Не знаю, о чем я думал, но я бросил свой телефон на землю, раздавил его ногами. Я чувствую, как капает мой пот, когда топчу свой уже сломанный телефон. Когда холодная сырость охлаждает мои нервы, горячий пафос оскверняет мое тело. Осколки стекла по всему полу чуть не ушибли меня. Заинтересованные шепоты тех, кто меня окружает, останавливают мои движения. Я трясусь, когда вижу, как глаза пронзают меня своими взглядами предрассудков. Все видели меня. Они говорили о том, какой я сумасшедший. Люди будут кричать мое имя! Подожди, разве это не здорово? Это значит, что я знаменит!

Марго Стефани Барнс, президент!

Потом я услышала это. Щелчок, мерцание, это так внезапно, но я уверен. Это мерцание звенит у меня в ухе. Оно появилось из окна, я уверена. Потом жужжание теперь идет со всех сторон. Я слышу это, как будто реквием, печальная серенада заманивает мое сладкое здравомыслие подальше от тела. Она щелкает отовсюду, злобная симфония. Происхождение звука протягивается ко мне, но я не знаю, где она. Каким-то образом он тянет меня к нему и одновременно отвергает меня!

Я прижимаю руки к голове, как будто вышибаю себе мозги. Мои глаза широко открыты, как будто она вот-вот выскочит. Я дрожу в шуме ропота моего одноклассника. Бедствие момента заставляет меня морщить нос. Моя губа растянулась и свернулась. Звуки мерцающих щелчков заставляли мои брови двигаться вверх и вниз. Страх и отвращение поглощают мою душу, когда я смиряюсь с печалью о тщетности. Потом я смеюсь, высунув язык, почти чувствую слезы.

Помогите мне, пожалуйста! Кто-нибудь! Ты! Да, я с тобой говорю! Ты меня не видишь? Ты не слышишь мой голос? Помоги мне, пожалуйста, я умоляю тебя помочь мне, пожалуйста, тебе нужно прекратить это. Я умоляю тебя всем, чем могу, чтобы то, что случилось с Джоном, не случилось и со мной, пожалуйста, я умоляю тебя, пожалуйста, я умоляю тебя, пожалуйста, я умоляю тебя, пожалуйста, я умоляю тебя, пожалуйста, я умоляю тебя, пожалуйста, я умоляю тебя!

"Ничего не случится, если ты будешь продолжать так шутить".

"Джон? Не могу поверить! Джон Смит!? Ты жив?"

"Нас сейчас здесь только трое. Оглянись вокруг. Комната пуста, разве не удобно так просто их убрать? Я имею в виду, прийти, да?"

"Ты не Джон, кто ты?"

"Должен сказать, это тело просто потрясающее! Сильное, гибкое, привлекательное, с этим телом я могу делать много замечательных вещей! Не говоря уже о воспоминаниях, которые у меня тоже с ним, они все потрясающие! Так развлекательно!"

"Что происходит? Странное ощущение, кто ты? Чего ты хочешь? Почему тебе нравится Джон?"

"Но твое тело в другой руке, оно лучше, просто лучше! Оно лучшее, великолепное, оно красивое, как ты можешь быть таким красивым? Идеально! Ты так совершенна! Это тело - лучший образец! Оно никогда не ломается, никогда не липнет, я никогда не видел ничего подобного! Ты шедевр! Я хочу его!"

"Ответьте на мой вопрос, блядь, блядь! Похоже, что я шучу? Кто ты? Что ты сделал с моими одноклассниками? Почему ты выглядишь точно как Джон!?"

"Уверяю вас, это повторится. Как бы сильно я ни любил это тело, для меня это так, так, так, так больше для меня, чтобы видеть и использовать и просто ОН! Думая об этом, я становлюсь УГХ! Это случится снова, и поверьте мне, когда я скажу, что вы и ваша маленькая цирковая вечеринка не остановят меня. Извини!"

"Господи, блядь, Господи, у тебя даже родинка Иоанна на шее. Что за херню ты сейчас мне в голову втягиваешь? Если ты пытаешься накачать меня передозировкой, дай мне сказать, что я..."

"ЭТО НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ! Это всё неважно! Скоро этот парень истечет, кому какое дело, что я теперь на него похож, мне, блядь, на него наплевать! Но вы, о леди, ваше тело идеально! ОНО ИДЕАЛЬНО ПОДХОДИТ МНЕ! Но я сохраню тебя напоследок, пока не получу все веселье на свете!"

"Что ты собираешься со мной сделать?"

"После этого все исчезнет. Эта комната, стулья, столы, пол, здание, местность, все! И нас будет только двое, даже этот засранец, слушая наш разговор, не сможет нас остановить!"

"Подожди, ты все еще здесь? Что ты здесь делаешь? Ты работаешь с ним? Я не могу тебе поверить!"

"Это не имеет значения! Всё пропало! Это будет похоже на сон, я отведу тебя во сне, но это все реально, это будет лучший сон, который у тебя когда-либо был! И когда ты откроешь глаза, наше творение будет приведено в движение! И я уверяю вас, Марго Стефани Барнс, что после этого разговора вас никто не побеспокоит! Абсолютно никто вас не тронет, ваше тело навсегда останется неразделенным под моей опекой, и ничто, кроме меня, не сможет сделать это тело моим!"

"Что ты делаешь? Назад! Отойди от меня! Убери свои гребаные руки от моей головы!"

"И, может быть, нам тоже стоит сменить это имя. Это пиздец как ужасно! Я буду продолжать наблюдать за тобой, и когда придет время забрать твоё тело, я буду там."

"СТОЙ!"

"Мир изменится к нашему вкусу! Мы удалим уродливых, если понадобится!"

Когда я открыла глаза, единственное, что я помню - это шум тресков стекла и разрушение изображения наших стен. Где я?

"О, детка! Ты вернулся! Ты вернулся!" Я слышу, как моя мать плачет, обнимая меня, притягивая все моё тело к ней так крепко, как только может.

Очевидно, я спала в этой больнице два месяца. Все говорят, что я упала в обморок, никто не знает, что именно тогда происходило. Они сказали, что всё произошло слишком быстро. Все они говорили одно и то же: я сошла с ума, кричала везде, вышла в коридор, однажды ударилась головой о стены ванной; потом, с окровавленным лбом, я пошла и прогрызла памфлет из мусорного бака, заплакала на тесной темной аллее, снова побежала по коридорам, а потом, наконец, рухнула в кабинете ученического совета.

Я не могу вспомнить ничего из того, что когда-либо происходило со мной. Я чувствую себя такой пустой, такой пустой, как будто я кастрюля, но вся вода во мне прошла мимо точки кипения и испарилась где-то в бескрайнем голубом небе. Это всё слишком страшно, чтобы думать об этом, но ненадолго. Через несколько недель мне разрешили покинуть больницу и продолжить свою и без того ужасно запоздалую школьную жизнь в скромной академии для девочек.

Я пошла прямо в офис, как обычно. Меня приветствовал Лекс, мой секретарь с первого дня, когда меня избрали президентом студенческого совета. Я слышал, что она делала всю работу за меня, пока меня не было, хотя я ценю то, что она сделала для комитета, мне всё ещё жаль, что она прошла через всё это, потому что меня не было. Она очень надёжный секретарь, я не боюсь сказать, что я очень горжусь тем, что она у меня есть.

"Мисс Президент, вот документы, которые вам нужно закончить на сегодня, я также хотел бы поговорить с вами позже о нашем недавнем успехе в вывозе большего количества мусорных баков по всему кампусу".

"Хорошо. Спасибо. Есть ли какие-нибудь не относящиеся к делу вещи, которые мне нужно сначала просмотреть, прежде чем я перейду к документам?"

"Вовсе нет, президент, если они будут на сегодня, я принесу их на левую сторону вашего

стола."

"Хорошо. Спасибо, можете идти."

"Тогда я уйду от вас сейчас."

Когда Лекс элегантно подходит к выходу, у меня в голове кружится мысль. "Лекс?" Я кричал в таком же тоне, как и небеса, ревущие грозы, чтобы нарушить спокойное море. "Можешь назвать моё имя?"

"Твое имя? Эм... Эшли..." Она колебалась. "Простите, мисс Президент, но мне не разрешено делать это в вашем кабинете."

В первый же день, когда я читала и писала через многочисленные бумажки, меня мучили: "Хорошо. Кроме того, я передумала. Вы можете остаться здесь и сидеть где угодно. Я закончу с документами через несколько минут, подождите меня вместо этого. Пойдём на занятия вместе".

Лицо Лекса взволновано, как вишня, выскакивающая под ложкой. "Президент я... спасибо. У нас все равно еще много времени до занятий".

Я не ответил. Я вижу, как Лекс пробирается сквозь книги, а я пробираюсь сквозь скучные и плохо написанные предложения и деловые письма. Я тихо встал после того, как отверг заключительный документ. Я прошла мимо Лекса, который уже готовит свою сумку, чтобы уйти вместе со мной. Мы идем в тишине, когда окружающие нас девушки улыбаются и шепчут между собой песни хвалы и зависти к нашей непревзойденной красоте.

Пока кто-то не привлёк мое внимание.

"Кто эта девушка, сидящая у дуба?"

"О, она? Я тоже не уверен. Она студентка-переводчик, она перевелась, пока вы в больнице, президент. Я думаю, она в вашем классе. Она не особо выделяется."

Я прищурился и поднял бровь: "Ты не говоришь".

"Честно говоря, мне бы хотелось иногда с ней разговаривать. Думаю, ей нужна консультация, совет может..." Я думаю, что Лекс продолжал говорить после этого, но в основном я отфильтровал ее слова из своего мозга, анализируя каждый бит кадра и информацию, которую я могу получить от нее, уставившись на нее, пока она не упадет.

То, как он ведет себя, как живой труп, создает ощущение, будто она действительно неживое

существо, замаскированное среди нас. Я не понимаю этого студента-переводчика. Она не выглядит глупой, и никто над ней не издевается. На самом деле, большинство людей вокруг нее, кажется, пытаются подойти и подружиться с ней. Она избегает людей без ясной причины, как будто мы прозрачны! Она сидит там, у дуба, слушая других людей, проходящих мимо, немая и немая.

Один ученик в моем классе умер, и это меня беспокоит.

<http://tl.rulate.ru/book/35095/775524>